

Категория модальности
(на материале орокского языка)

Аннотация. Статья посвящена описанию категории модальности в орокском языке. Сопоставление морфологической, лексико-грамматической и семантико-синтаксической категорий как составляющих комплексной или функционально-семантической категории модальности в орокском языке позволяет установить наличие двух типов модальности: модальности объективной и модальности субъективной.

The category of modality in Orok language is described in the article. The comparison of morphological, lexical-grammatical and semantic-syntactical categories as constituent components of a complex or functional-semantic category of modality in Orok language allows establishing two types of modality: objective modality and subjective modality.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, объективная модальность, субъективная модальность, грамматическая категория, лексико-синтаксические единицы.

Functional-semantic category, objective modality, subjective modality, grammar category, lexical-syntactical units.

УДК: 81.2.2.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН. Тел. (383) 330-27-37. E-mail: larisa-3302803@rambler.ru.

Несколько десятилетий назад О.С. Ахманова в своем терминологическом словаре определяла модальность как понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемую различными грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п. [1966: 237]. Фактически в таком толковании термин «модальность» мог быть использован для обозначения «широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и степени оформленности на разных уровнях языковой структуры» [ЛЭС 1990: 303]. Поскольку единого мнения о границах категории модальности не сложилось, «к сфере модальности относят и противопоставление предложений по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение), противопоставление по признаку “утверждение” – “отрицание”, градации значений в диапазоне “реальность – ирреальность” (реальность – вероятность – предположение – нереальность, различные видо-

изменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами» [ЛЭС 1990: 303].

В «Грамматике русского языка АН СССР» В.В. Виноградов писал о синтаксических категориях времени, *модальности* (курсив мой – Л. О.) и лица как элементах предикативности [Виноградов 1954: 76–83]. С точки зрения парадигмы предложения проблематику синтаксического времени и синтаксических наклонений достаточно подробно исследовала Н.Ю. Шведова [Шведова 1967: 3–7].

Однако исследование модальности в плане синтаксиса не вполне совпадает с проблематикой исследования модальности как функционально-семантической категории, поскольку как функционально-семантические категории модальность, темпоральность, аспектуальность, персональность и залоговость безусловно имеют синтаксическую сторону, синтаксическую функцию, выступая в качестве элемента структуры предложения, но, как отмечал А. В. Бондарко, «...они отнюдь не сводятся к этой синтаксической стороне и функции» [1971: 10–11]. На этом основании, в духе выдвинутой В. В. Виноградовым в книге «Русский язык» концепции, А.В. Бондарко определяет модальность «как функционально-семантическую категорию, охватывающую систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности» [Бондарко 1976: 11].

В современной лингвистической традиции под *модальностью* понимается такая функционально-семантическая категория, которая охватывает систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства, которые выражают различные виды отношения высказывания к объективной действительности, с одной стороны, и различные по смысловому объему, грамматическим свойствам и степени оформленности на разных уровнях языка явления, относящиеся к субъективной оценке, характеристике сообщаемого, – с другой. Фактически речь идет о дифференциации категории модальности, о противопоставлении грамматико-синтаксического (отвлеченного) и лексико-семантического (реального) аспектов характеристики высказывания в модальном плане.

В первом случае мы имеем дело с *объективной модальностью*, формирующей предикативную единицу – предложение – через отношение сообщаемого (действия) к действительности, то есть о реальности или ирреальности действия. Такая модальность всегда грамматикализована, поскольку выражается через наклонение и время, в ее основе лежит противопоставление наклонений реального и ирреального.

Сразу определимся, что под наклонением понимается грамматическая категория, выражающая отношение действия к действительности с позиции говорящего, что реализуется на уровне трех наклонений [Петрова 1967: 105–111, Суник 1985: 42 и др.], тогда как в ряде тунгусо-маньчжурских языков, в тюркских, палеоазиатских и других классификация наклонений строится на основе *значения форм глагола в речи*, когда модальные значения получают свое выражение через специальные аффиксально оформленные глагольные формы, коих может насчитываться от 4 до 12 и более [Аврорин, Болдырев 2005: 131–143; Болдырев 2007: 666, 699–739; Колесникова 1966: 108–112; Лебедева, Константинова, Монахова 1979: 135–153; Константинова 1964: 171–189; Новикова 1980: 67–81; Цинциус 1982: 58 и др.].

В тунгусо-маньчжурских языках категория объективной модальности реализуется на грамматическом – через систему наклонений, словообразовательном – через модальные глагольные суффиксы и лексическом уровне: это модальные глаголы положительной и отрицательной семантики.

Временной характеристикой обладают формы двух наклонений: индикатива (изъявительного) и юссива (побудительного). В первом случае парадигма трехчлена: настоящее, прошедшее и будущее время, представленные формами единственного и множественного числа 1, 2 и 3 лица. Побудительное наклонение характеризуется неполнотой парадигмы: в орокском и ульчском, например, наклонение представлено исключительно формами будущего (реального) времени 1 лица единственного и множественного числа. Например:

цэнни-тэ пойду-ка я (ед.ч.) и **цэнэцэптэ ~ цэннецэптэ** пойдем-ка мы (мн.ч.) [**цэннэ-** основа наст. вр.+ **-п(у)** личн. суф. 1 л. мн.ч. + **-тэ** формообразоват. суф.];

тулэнзи-тэ отправлюсь-ка я ставить сети [**тулэ-** ставить сети + **-ндэ** идти, отправляться + **-тэ** формообраз. суф.] и **тулэндэцэптэ ~ тулэнзэцэптэ** отправимся-ка мы сети ставить и др.

Отметим, что единого взгляда на эти формы нет: например, в ряде тунгусо-маньчжурских языков северной группы орокский юссив квалифицируется как императив (повелительное наклонение), в нанайском форма юссива мн. ч. отнесена к формам индикатива (изъявительного наклонения) 2 будущего времени и т.п.

Объективная модальность организуется в систему противопоставлений, поскольку связана с категорией времени, и дифференцирована по признаку временной определенности // неопределенности.

В тунгусо-маньчжурских языках модальные отношения выражают не только формы наклонений, но и собственно модальные, условно модальные и контекстуально-модальные глаголы.

К положительно модальным отнесены два глагола: **муттэвури (муттэ-) ~ мутэвури (мутэ-) мочь, уметь** и **саури (са-) уметь, мочь**. Например:

1. *Пурэүсэл сабузи дэптүмэри эвуккил сара*
'Молодежь не умеет есть палочками для еды.'

2. *Би-кэ җиллэми муттёни-тани, мапаңуби-да ҳајва-да типали муттэи тэлуруттини*
'Я-то врать не умею, а старик мой вам всякого нарасказывает.'

К отрицательно модальным отнесены так называемые «отрицательные глаголы», так квалифицирует их О.А. Константинова [Константинова 1964: 168]. Например, в орокском языке **алба- не мочь, быть не в состоянии**; **мё- не мочь, быть не в состоянии**; **йда- не мочь, быть не в состоянии** и **тэтэн- 1. не мочь, быть не в состоянии; 2. не уметь**. Глаголы **албавури (алба-)** и **тэтэмбури (тэтэн-)** способны выступать в функции простого предиката, глаголы **мёури (мё-)** и **йдаури (йда-)** используются только в составе сложного глагольного сказуемого, выполняя роль грамматической связки при семантическом глаголе, обычно выступающем в форме деепричастия-наречия обычности действия или деепричастия-наречия многократности действия. Например:

3. *Сама бйми хёни албёси?*

Сама бй =ми хёни алба=j=си?

Шаман=Nom быть=conv/Sg как не мочь=Pres//2Sg <сделать>

'Если ты шаман, почему не можешь этого сделать?'

Определение этих глаголов как отрицательных, думается, не вполне объективно: они не столько отрицательные, сколько именно модальные, поскольку реальной их задачей является формирование модального – ирреального – плана высказывания. Одним из аргументов в пользу этого служит тот факт, что они используются исключительно в формах индикатива (изъявительного наклонения), реализуя только два временных плана – настоящий и прошедший, формы будущего времени не выявлены.

4. *Тари нари мёлчи-ми ида-ха-ни.*

'Тот человек **не мог проснуться** (букв.: просыпаясь не мог).'

5. *Оңгена хинда(у)аччи Хоңираққумба кополи-та-мжэ йда-ха-ни*

'Дух Онгена, придя, Хониракку хотел **освободить**, но **не смог** (букв.: намереваясь оторвать, оторвать не смог).'

6. *Наму кирадунни тэлини сэмжи л'оннёни, итэүэччери хак-кита-мари мё-ччи-чи*

'На берегу моря юкола, краснея, висела, видя это, причалить не могли (букв.: собираясь причалить не смогли).'

Кроме того, глаголы **алба-** и **тэтэн-** могут функционировать не только как вспомогательные, но и как знаменательные глаголы, например:

7. *Ночи хони-да бивэ кадарамба эвукилил алба.*

'Они любого огромного зверя не могли не одолеть (букв.: они хоть какого крупным бывшего медведя не немогущие = могущие <одолеть>).'

8. *Хони би ололлёви-ју? би тэтэнживи-дэ* как я сварю <медвежатину>?

'Я ведь не умею варить (букв.: я не могу <сварить>).'

9. *Би дукудоси энэми андуси тэтэнживи.*

'Я не смогу построить дом для тебя, я не умею (букв.: я дом для тебя построить не могу).'

Наряду с собственно модальными глаголами могут быть выделены глаголы, которые можно определить как «контекстуально-модальные», т. е. развивающие модальные значения в определенном контексте. В орокском языке к таким можно отнести глаголы **корпивури (корпи-)** и **кулпивури (кулпи-)**, основными значениями которых являются: 1) *располагать временем (для того, чтоб сделать что-либо)*; 2) *успевать вовремя*, откуда в определенных контекстах появляется сугубо модальное значение ‘*успевать, успеть (сделать что-либо)*’. Например:

10. *Тари в̄аридуни аҕисални эмэри кулп̄е, нэвтэҕкк̄ери госилоччэри мэнэ доло лэдэччи.*

‘Когда он промышлял так, старшие братья, **не успевая** <перетаскивать добытое>, на младшего брата сердясь (злясь), разговаривали (говорили) между собой.’

11. *Апкамари этчипу кулп̄е, ун’анж̄ела хаунилухани, долзиптухани бојон бунини, м̄о б̄ујаданасини.*

‘**Не успели** мы уснуть, как у реки поднялся шум: фырканье и рёв, треск сучьев (букв.: у реки зашумело: слышался рёв медведя, дерево ломалось).’

12. *Г̄еда мама м̄уки т̄ӯхэни, бу хуритчимари эчипу кулпи.*

‘Одна старуха упала в воду, мы ей **не успели** помочь.’

Кроме того, в свое время для эвенкийского языка О. А. Константинова [Константинова 1964: 169], выделила особые «формы модальности», которые широко представлены в тунгусо-маньчжурских языках и условно могут быть определены как «словообразовательная модальность», когда присоединение суффиксальной морфемы к основе как бы «переводит» значение глагола в условно-модальное. К модальным в большинстве тунгусо-маньчжурских языков могут быть отнесены словообразовательные суффиксы, формирующие при присоединении к первичной основе модальные значения: -гита (-гита, -кита, -кта) ~ -гитэ (-гитэ, -китэ, -ктэ) ‘желать совершить действие’ и ‘намереваться совершить действие’, ‘пытаться совершить действие’: уккитэвури (уккитэ-) собираться сказать < умбури (ун-) сказать, говорить; ваҕитавури (ваҕита-) намереваться, пытаться убить < в̄аури (в̄а-) убить; -вун (-ун, -вн, -в) ~ пун (-пон) ~ -бун (-бон) ‘заставлять совершить действие’ и ‘позволять совершить действие’: нэнэумбури послать, отправить < нэнэвури (нэнэ-) идти, пойти; дэпумбури (дэпун-) кормить (т.е. заставлять есть) < дэпури (дэп-) есть; гэлэндэвэмбури (гэлэндэвэн-) заставить идти искать; -нда ~ -ндо ~ -ндэ ‘пойти, отправиться совершить действие, названное основой’: итэндэвури (итэндэ-) отправиться посмотреть; долзиндовури (долзиндо-) пойти послушать; мёвчаландавури (мёвчаланда-) пойти стрелять; -та ‘желать совершить действие’ и т.п., например:

13. *Мапа инэң-инэң сиромбо в̄а-нда-су-си-ни (в̄а- убивать+-нда суф. идти, ходить + -су суф. многократности + -си суф. наст. вр. + -ни суф. 3 л. Ед. ч.)*

‘Старик каждый день ходит убивать диких оленей.’

14. *Ауисални пута-нда-та-уа-чи (пута- ставить силки на мелкого зверя + -нда идти + -та суф. намерения + -уа суф. прош. вр. + -чи суф. 3 л. мн. ч.) = идти ставить силки на мелкого зверя намеревались)*

‘Его старшие братья собирались идти ставить силки на мелкого зверя.’

Для выражения модальности в орокском языке используются также причастия-прилагательные и деепричастия-наречия (через модальную аттракцию «выравнивание по времени», «уподобление» по времени предикату не обладающих временной характеристикой причастий и деепричастий), например:

15. *Чаду Бајавуса халани улални окко-мори мев-уаччэ-ри чипал бу-ччи-чи.*

‘Там олени рода Баяуса не могли пастись, все умерли (букв.: пасясь не смогли).’

16. *Дукутакки ису-уаччи бојомбо в̄а-ха-ни.*

‘Когда он возвращался домой, убил медведя (букв.: в свой дом домой возвращаясь, он убил медведя).’

17. *Нони чаду жин горо би-тчи-чи, саңнамба уми-рра, чаива уми-рра.*

‘Они там очень долго пробыли, курили табак, чай пили (букв.: табак курившие, чай пившие).’

Синтаксически объективная модальность выражается предикатами в форме индикатива или юссива, заключающих в себе значение временной определенности, реальности помещения содержания в один из трех временных планов, поскольку индикатив и юссив в тунгусо-маньчжурских языках противопоставляются формам ирреальных наклонений (императива и конъюнктива).

Под *субъективной модальностью* понимается выражение отношения говорящего к сообщаемому, фактически, оценка того, о чем идет речь. Средства выражения категории *субъективной модальности* достаточно неоднородны и многочисленны, многие из них вообще не имеют прямого отношения к грамматике, так как смысловой основой субъективной модальности является выражение оценки в широком смысле слова. Понятие оценки включает в себя «...не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [ЛЭС 1990: 303]. Именно субъективная модальность выступает как категория комплексная, в полной мере формирующая модальный план высказывания. *Субъективная модальность* в тунгусо-маньчжурских языках может быть реализована через вводные структуры (слова и конструкции модальной семантики, модально-оценочные частицы, в том числе суффиксальные), не прямой порядок слов и интонационно-акцентирующие средства, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки субъективного отношения к сообщаемому.

Охватывая все реально существующие в языке разноаспектные и разнохарактерные способы квалификации сообщаемого, субъективная модальность квалифицируется как лексико-семантическая категория, которая может быть реализована:

I. Модальными словами, словосочетаниями и предложениями, выполняющими в предложении функцию вводных слов и конструкций, оформляющими разноаспектные интеллектуальные и эмоциональные оценки сообщаемого: *билэ ~ билэрэ* ‘наверное, вероятно, может быть’; *тэддэ* ‘действительно, в самом деле, точно’; *аја* ‘ладно, хорошо, ничего’, например:

18. *Тари мама билэрэ буччини, сагжи мапа*

‘Та старуха, наверное, умерла, старая была.’

19. *Тари нари бојмбо хасамже в̄рини, тэддэ-дэ умукэ бими в̄рини*

‘Этот мужчина медведя преследовал-преследовал, убил, правда (в самом деле), один убил.’

II. Введением специальных суффиксально-модальных частиц со значением неуверенности // уверенности, предположения, сомнения, ограничительности, удивления: *-тани ~ -тэни* ‘вроде’ и ‘точно, наверняка’, *-ју* ‘может, возможно’, *-ја ~ ја̄* ‘разве, неужели’, *-мали ~ мэли* ‘только, исключительно’, *-ка ~ -кэ* ‘надо же, удивительно’, например:

20. *Кэ, тари сама(н) сагдами буччини-тани*

‘Ну точно, тот шаман, состарясь, **вправду** умер.’

III. При помощи междометий оценочной или оценочно-эмоциональной семантики, выражающих внезапность, удивление, испуг, раздражение: *ана-на* ‘ну уж нет’; *энэ-нэ!* ‘ну и ну! надо же!’ (выражение удивления, изумления, укора), *гэ-гэ!* ‘а ну-ка еще, еще!’ (выражение поддержки, как бы подбадривание), *кэ!* ‘ну, да, так, так!’ (выражение одобрения, согласия, поддержки); *эрэ* ‘вот же, надо же’ (выражение удивления, недоумения), *эрэј* ‘ой!’ (выражение удивления или испуга) и др., которые, характеризуясь как внеструктурные элементы (они не входят в состав синтаксической конструкции), в то же время оформляют модальный план высказывания в целом, например:

21. *Ана-на, си путтэтэјси угдаби эсив б̄рэ!*

‘Ну уж нет, я свою лодку твоему сыну не дам!’

22. *Дукутакки цэнэвсэри, сапаррē!*

‘Да уходите же вы домой, надоели!’

IV. Введением непрямого порядка с вынесением одного из главных членов (преимущественно – сказуемого) в начало предложения для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания и др., например:

23. *Карунав-карунав, унҕичи, элливи ситтэҕэ тамма си мамаңуласи!*

‘Плати-плати, говорят, не стану я тебе платить за твою старуху!’ [ср. при прямом порядке: *би ситтэҕэ си мамаңуласи элливи тамма* ‘я тебе за твою старуху не заплачу’].

Как функционально-семантическая категория, по мнению А. М. Пешковского, модальность выражает в первую очередь «...отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием... высказывания и действительностью» [ЛЭС 1990: 303].

В заключение отметим:

1. Модальность как функционально-семантическая категория охватывает систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности.

2. Модальность может быть связана в контексте с отглагольными образованиями, не связанными с категорией наклонения: изъявительная модальность может быть выражена в тунгусо-маньчжурских языках формами предикативных причастий-прилагательных и деепричастий-наречий.

3. Специфическими средствами выражения модальности в тунгусо-маньчжурских языках являются словообразовательные суффиксы (словообразовательная модальность), «отрицательные» модальные глаголы, глаголы юссива и модальные суффиксальные частицы (грамматическая модальность).

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.

Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Наука, 2005.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.;Л.: Рус. язык, 1947.

Виноградов В.В. Грамматика русского языка АН СССР. М., 1954. Т. 2. Ч. 1.

Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Наука, 1971.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976.

Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.;Л.: Наука, 1966.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.;Л.: Наука, 1964.

Лебедьва Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л.: Просвещение, 1979.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Л.: Наука, 1980.

Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.

Суник О.П. Ульчский язык. Л.: Наука, 1985.

Цинциус В.И. Негидальский язык. Л.: Наука, 1982.

Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (Опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967.